1944-й

Монолог о Победе

Василь БЫКОВ

ОБЕЛИСК В СЕВЕРИНКЕ

ОЧЕНЬ это непросто — писать о пережитом, тем более о давнем военном прошлом. И не потому, что многое выпадает из памяти — память фронтовиков как раз цепко удерживает все, что касается пережитого в годы войны, — трудности же здесь несколько иного рода. Как я теперь думаю, они в эмоциональном отношении к тому, что когда-то было проблемой жизни и смерти, а ныне, по прошествии лет, отдалилось настолько, что стало чем-то почти ирреальным, из области снов, привидений. Иных в этом их отношении к пережитому в годы войны тянет на юмор, на поиски забавного или, на худой конец, увлекательного по сюжету и его извилистым прихотям. Мне же все это по-прежнему видится в кровавом, заторможенно-невразумительном тумане — как оно и отразилось тогда в нашем горячечном сознании, изнуренном боями, опасностью, предельным физическим напряжением и бессонницей.

1944-й год начался для меня (как, впрочем, и закончился) в отчаянной борьбе с немецкими танками, одним, а затем и вторым ранениями, радостями многих больших и малых побед, а также и горечью неудач, зачастую трагических для солдата переднего края — наверное, всем комплексом переживаний, присущим любому фронтовику-окопнику.

Самое начало года, первые дни января, выдалось вполне успешным и даже весьма обнадеживающим. Войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление под Кировоградом. Танкисты генерала Ротмистрова прорвали немецкую оборону, и наша дивизия в числе других стрелковых соединений фронта легко и без потерь вошла в этот прорыв. Нашей задачей было расширять прорыв, следуя за танками, обеспечивать фланги. Наступали мы в основном ночью, когда над заснеженной степью спускались прозрачные зимние сумерки; до вечера же вели огневой бой с немцами, пережидая бомбежки, которые следовали одна за другой почти от восхода солнца. Вечером батальон сворачивался в походные колонны и вдоль немецкой обороны, между очагами вражеского сопротивления протискивался за танками на запад, однако отставая от них, что составляло тогда немалую заботу командования, непрестанно торопившего нас. Это же обстоятельство послужило, по-видимому, причиной того, что высланная вперед разведка недосмотрела, прозевала в степи довольно крупное сосредоточение немецких танков, всей мощью своего огня неожиданно ударивших из зарослей кукурузы по нашей походной колонне.

Батальон рассыпался по снежной степи, многие были сражены на узкой полевой дороге, другие побежали к черневшим в отдалении скирдам. Тотчас за трассирующим шквалом пулеметного огня взревели моторами танки, и на поле высыпали немецкие автоматчики. Упав в рыхлый снег, я выпустил по ним свой диск и, когда стал перезаряжать автомат, обнаружил, что остался почти в одиночестве на этой стороне дороги. Боец, лежавший несколько впереди, уже не двигался, другие же ушли далеко назад, за дорогу, и перебежками старались добраться до скирд, представлявших здесь некоторое убежище. Я попытался вскочить, но сверкающий огневой шквал вверху вынудил меня упасть снова. Танки были совсем близко, в громыхании боя послышались выкрики немецких автоматчиков: «Рус, сдавайся!». Перезарядив автомат, я все-таки вскочил, потому как малейшее промедление грозило теперь обернуться худшим, чем гибель. Несколько десятков метров я передвигался бросками — пригнувшись, делал 5—6 широких шагов в густом сверкании трасс, падал и тотчас вскакивал снова. Мне надо было оторваться от немцев и догнать своих. В отдалении уже слышались заглушаемые боем крики и ругань моего ротного, лейтенанта Миргорода, отчаянно пытавшегося остановить бегущих и организовать сопротивление. Но была ночь, и хотя на снегу четко различался каждый силуэт бойца, лиц бегущих разобрать было невозможно. Я почти уже добежал до него, как вдруг сильный удар по ноге выше щиколотки опрокинул меня на снег. Сапог стал быстро наливаться кровью, и первой моей мыслью было: не перебита ли кость? Если кость перебита, то, разумеется, все для меня окончилось. Но танки уже приблизились, один через мою голову строчил из пулемета по бегущим к скирдам, и я тоже вскочил. К счастью, нога не подломилась, значит, кость цела (потом обнаружилось, что пуля отколола от голенной кости узкий обломок, в течение трех месяцев задержавший меня на госпитальной койке). Выпустив автомат, я отстегнул от ремня тяжелую противотанковую гранату кумулятивного действия и размахнулся. Однако мой бросок не достиг цели, кумулятивная не взорвалась (возможно, я не добросил или промахнулся), и танк, круто повернув в мою сторону, поддал газу. В клубах поднятого гусеницами снега он озверело ринулся на меня. В последний момент я едва успел отбросить в сторону ноги, как он прогромыхал рядом, обдав меня снежным крошевом и траками вмяв в снег полы моей простреленной шинели. Сквозь поднятый им снежный вихрь я, однако, успел ухватить взглядом взметнувшуюся впереди фигуру Миргорода, его взмах руки, и тотчас мощный взрыв пахнул мне в лицо, сбив на снег шапку. Тяжело качнувшись, танк остановился, на его броню из башни вывалились два человека в черном. Тут уж я ударил по ним из автомата, и они скатились на землю. Однако больше мой автомат не стрелял: может, заело в диске или кончились патроны, мне недосуг было разбираться в том,— танки уже расстреливали из пушек скирды, туда же устремились немецкие автоматчики. Сзади за ними на всем протяжении до кукурузы темнели распластанные тела убитых, некоторые из раненых пытались ползти. Из недалекого провала свежей воронки, пригнувшись, ко мне подбежал боец нашей роты, он был ранен в плечо, и правая рука его плетью волочилась по развороченному гусеницами снегу. Солдат плакал, матерился, но он помог мне выбраться с этого поля в засыпанные снегом заросли подсолнуха, с трудом преодолев которые, мы очутились на едва приметной полевой дорожке. Здесь нас догнала повозка, на которой лежало двое раненых, и девушка-санинструктор с повозочным встревоженно вслушивались в грохот близкого боя. Стащив с ее помощью простреленный сапог, я вылил из него кровь. И девушка впервые перевязала мою ногу. К полуночи мы были уже в селе, где возле церкви в просторном поповском доме расположилась санчасть какой-то стрелковой дивизии.

В доме этой санчасти мне пришлось пережить ночь, события которой с достаточной подробностью описаны на страницах одной из моих повестей, а наутро всех его обитателей подняла отчаянная стрельба на околице — село атаковали немецкие танки. Обороны здесь никакой не было, в селе располагались тыловые службы, санподразделения, и вскоре все, кто был способен к передвижению, бросились по балке в село по соседству.

Но что было делать раненым?

В последний момент, когда почти все наши покинули село, я выполз из санчасти на улицу с единственной подобранной во дворе противотанковой гранатой, намереваясь погибнуть недаром. Несколько минут, лежа в канаве, ждал появления танков, которые тем временем уже вошли в село и расстреливали последних его защитников, как вдруг из-за угла побитой осколками мазанки выскочила пароконная повозка с седоками. Закричав, я замахнулся гранатой, охваченный внезапным намерением задержать мой ускользающий шанс, и повозка остановилась в полусотне шагов на улице.

Эта повозка вывезла меня из села, сзади по нас торопливо стреляли танки, уже появившиеся у окраинных хат, за греблей. Тяжелые болванки угрожающе фуркали над головами, но нам повезло: мы выскочили из-под огня и на пригорке у соседнего села были решительно остановлены незнакомым офицером в полушубке, который собирал всех, укладывая в боевой порядок. Пришлось и мне залечь в цепь, хотя, кроме пистолета и гранаты, у меня ничего больше не было. Но в нашем положении противотанковая граната все-таки чего-то стоила.

Нас набралось здесь человек сорок. Второпях мы вырыли в рыхлом снегу неглубокие ямки и залегли. Очень скоро из балки появились танки, их было одиннадцать, при виде нашей цепи они замедлили ход, а затем и остановились вовсе. Эта их остановка сначала обрадовала, а затем и озадачила нас: лучше бы они нас атаковали, мы бы тогда попытались отбиться гранатами. На расстоянии же они были для нас неуязвимы, зато вполне уязвимы для них были мы. Не раз мне на фронте приходилось переживать подобную ситуацию. Так было и потом, в конце 44-го, при втором моем ранении под Балатоном в Венгрии, когда танки с близкого расстояния буквально за несколько минут выбили залегший на мерзлой земле батальон. Снарядов они не жалели, времени у них было в достатке, впрочем, как и сноровки тоже.

Они расстреливали нас, методически, аккуратно посылая по снаряду в каждого бойца, и спустя четверть часа вместо нашей цепи на снегу чернел ряд кровавых разрывов с разметанными вокруг комьями мерзлой земли. Уцелевшие, почти все раненые, скатились по обратному склону в село, невесть на что надеясь и невесть что полагая. Но все-таки, как оказалось, мы задержали их, пусть и ненадолго, но за это время на улицах села появился десяток наших тридцатьчетверок, по-видимому, срочно переброшенных сюда с другого участка фронта. Они вышли на сельскую окраину, и между танками завязалась огневая дуэль, которая продлилась до вечера. Две наших тридцатьчетверки сгорели в вишеннике на отшибе, но горели и немецкие танки — за бугром в погожее небо долго валили черные клубы дыма. Вдобавок ко всему под вечер налетели «мессершмитты» и принялись нещадно бомбить село, от разрывов их бомб разваливались глиняные мазанки, разлетались плетни и сараи. Мы с несколькими ранеными сунулись в какой-то погреб, где и просидели до ночи. Но в наступивших сумерках наши тридцатьчетверки стали покидать свои позиции за селом, и чумазый капитан-танкист объявил, что они уходят. Раненых, если те пожелают, могут взять на броню. Ночью село, по всей вероятности, будет занято немцами.

Мы торопливо взобрались на броню, человек по шесть на машину, вцепились в железные поручни. Тяжелораненых устроили посередине. Сначала нам было тепло и удобно, следовало только держаться покрепче. Но едва танки тронулись, снова налетели немецкие самолеты, началась ожесточенная ночная бомбежка. Некоторое время танки двигались, не обращая на нее внимания, то и дело пошатываясь в стороны от близких разрывов, которые грохотали справа и слева, спереди и сзади, обрушивая на нас пласты снега и комья мерзлой земли, высекая осколками искры из брони. Но после того, как одна из машин взорвалась и из нее никто не выбрался, танкисты при первых разрывах бомб стали останавливать машины и разбегаться в стороны от дороги. Раненые, способные к передвижению, тоже соскакивали с брони, на которой оставались лишь те, кто не мог слезть и особенно взобраться на нее после. Притиснувшись к башне и сжавшись в болезненный ком, я переждал на танке четыре или пять таких бомбежек, опасаясь лишь одного — быть сброшенным взрывом на снег. Но вот танки въехали в какое-то большое село и после непродолжительной стоянки капитан скомандовал слезть всем — на рассвете танки пойдут в атаку.

Что ж, пришлось слезть. Село горело после недавней бомбежки, которой была свеже и жестоко обезображена улица. Какой-то боец помог мне доковылять до более-менее сохранившейся мазанки, и, войдя в нее, я свалился на кровать в углу. Здесь уже кто-то лежал, наверное, раненый, солома в кровати показалась мне мокрой, но только я прилег на краешке, как сразу же и уснул — словно провалился в забытье.

Как и все эти суматошные дни, пробуждение наступило от сильной стрельбы на околице, и я вскинул голову. Брезжил первый рассвет, из проредившейся темноты проступали убогие пожитки этой покинутой хатенки: стол, кровать, опрокинутая скамья на полу. Мой сосед не обнаруживал признаков жизни, и я толкнул его локтем, тут же, однако, испугавшись — рядом лежал человек в сизой немецкой шинели с двумя офицерскими знаками на узком, отороченном галуном погоне. Под ним в соломе стояла лужа крови, испачкавшей полы моей шинели. Немец был мертв. Тем временем стрельба приблизилась: несколько пуль ударило в стену, от которой на кровать брызнуло сухой штукатуркой. Поняв, что поблизости завязывается что-то скверное, я сполз с кровати и доковылял до дверей. В сенях было темно, в углу возле входной двери был сколочен сусек, полный картошки, и я вытянулся на нем, изготовив свой пистолет.

Бой в селе разгорелся с новой силой. Послышались крики, кто-то пробежал по улице. Вскоре там раздались гранатные разрывы — скверный признак того, что немцы ворвались в село. Сквозь щель в дверях мне виден был залитый взошедшим солнцем заснеженный двор — началось ядреное морозное утро. В свете этого утра за стеною мелькнула тень, послышалось усталое дыхание, и дверь передо мною резко распахнулась. В ее проеме возникло молодое лицо человека в немецкой каске с биноклем на груди. Одной рукой он открывал дверь, а в другой держал автомат. Нас разделяли каких-нибудь три метра, я был готов, мой пистолет был направлен в середину его груди, и я мог выстрелить тотчас же. Немцу же для очереди предстояло бросить дверную ручку и другой рукой подхватить автомат. Но я промедлил секунду, а немец, отсутствующе взглянув на меня, выпустил дверь и побежал дальше, туда, где слышались немецкая речь, крики и топот ног. Так я подарил ему жизнь, впрочем, как и он мне — тоже. А скорее, обоим нам подарило жизнь солнечное утро, наверное, не давшее ему ничего увидеть в темном закутке. Я запахнул дверь и с пистолетом в руке стал терпеливо дожидаться развязки этого суматошного боя.

К полудню развязка все-таки наступила. Наша пехота выбила немцев из села и продвинулась дальше. Я выполз на улицу, кто-то из пробегавших бойцов показал, где искать их полковую санчасть. Когда мы с одним раненым техником-лейтенантом добрались до нее, снова налетели «юнкерсы» и обрушили на село контейнеры мелких осколочных бомб. Снова все заполыхало кругом, задымило, загрохотало. Девушка-лейтенант медслужбы, съежившись от близких разрывов, на полу санчасти торопливо заполняла на раненых карточки передового района — перевязывать раны уже не было возможности. Когда очередь дошла до меня, записав звание и фамилию, спросила номер полка и, услышав в ответ незнакомые наименования, удивилась.

— Это не нашей части.

— Где он ее найдет теперь, эту свою часть? — сказал техник-лейтенант.

— А это не мое дело.

Без карточки передового района эвакуироваться в госпиталь было невозможно, и я приуныл. Но тут «юнкерсы» сыпанули на село очередную партию бомб, из хаты разом выскочили все окна, и девушка, смягчившись, бросила мне карточку.

Так, в общем, закончилась для меня эта не слишком выдающаяся эпопея — обычная солдатская история, несколько дней войны со смертями, кровью, успехами и, как сказали бы теперь, досадными срывами. Тому, кто воевал на переднем крае, особенно в пехоте, не раз приходилось переживать подобное. Иным доставалось и больше.

В январских боях под Кировоградом остался почти весь наш батальон, а может, и весь полк даже. Хоронили погибших не скоро, когда фронт откатился к Бугу и степь освободилась от снега. Жители окрестных сел собрали там пролежавшие зиму тела наших бойцов и свезли в братскую могилу в Северинке. Наверное, там же подобрали и мою полевую сумку с некоторыми бумагами. Это дало основание предположить, что ее хозяин тоже остался поблизости. В той же братской могиле оказался и мой командир роты лейтенант Миргород, имя которого носит теперь пионерская дружина местной школы. Недалеко от тех мест похоронен командир нашего батальона капитан Смирнов, ненамного переживший своего командира роты, по соседству с ними покоится прах командира полка майора Казаряна, скончавшегося от ран в медсанбате.

Неискушенному в войне, тем более молодому человеку, может показаться, что наши разрозненные усилия были бесцельными, а наше малоуспешное сопротивление немецким танкам бессмысленным. Но это не так. Пока раненые, а также лишенные противотанковых средств и должной организованности бойцы тыловых служб вели спорадические бои с немецкими танками, сковывая их маневр и отвлекая на флангах, ударная группировка наших войск под командованием генерала Ротмистрова упорно окружала Кировоград, в итоге принудив немцев к отходу.

Тогда нам все это казалось по-разному, но теперь видится все яснее: наши жертвы были не напрасны, каждая капля крови, пролитой на поле боя, так или иначе приближала нашу победу, потому что в той войне и нашем ожесточенном единоборстве перевешивала лишь чаша, до краев наполненная человеческой кровью. Миллионы человеческих жизней — красноречивое тому свидетельство. Может быть, именно поэтому на нашей стороне оказалась победа, значение которой непреходяще для человечества.

МИНСК